

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

ХАБАРШЫ

ФИЛОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ

ВЕСТНИК

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

BULLETIN

PHILOLOGY SERIES

3(143) 2013

ISSN 1563-0223
Индекс 75878; 25878

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ

Филология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК КазНУ

Серия филологическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

KazNU BULLETIN

Philology series

№3 (143)

Алматы
"Қазак университеті"
2013

1992 жылдың 22 сәуірінен бастап шыға бастады

Тіркелу кәуәлігі № 766
Жылына 4 рет шығады

Редакциялық алқа:

Қ. Әбдезұлы (ғылыми редактор),
И. Есімова, Б.У. Дәжолдасбекова (ғылыми редактордың орынбасарлары),
Н.Ю. Зуева (жауапты хатшы), О.Б. Алтынбекова, Г.Б. Мәдиева,
Б.К. Момынова, А. Салқынбай, А.С. Тарақ, А. Темірболат,
С.А. Кибальник (Ресей), А.И. Ковтун (Литва), В.А. Курдюмов (Ресей),
Гусман-Тирадо Рафаэль (Испания), Сойлемез Орхан (Түркия),
Хаяти Дивили (Польша), Х. Янковский (Ресей), Жан Джин Джин (Қытай)

ҚАЗҰУ ХАБАРШЫСЫ

ФИЛОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ

1992

1992

ҚАЗҰУ ХАБАРШЫСЫ

ФИЛОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ

1992

1992

1992

ӘДЕБИЕТТАНУ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-821.0

Б.У. Джолдасбекова¹, Н.К. Сарсекеева²

¹член-корр. НАН РК, д.ф.н. профессор, ²к.ф.н. доцент
Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан
E-mail: vaiyan.zholdasbekova@kaznu.kz; sarsekeeva1403@inbox.ru

Публицистический дискурс исторической прозы А. Алимжанова

В статье на материале исторических романов А. Алимжанова рассматриваются особенности его публицистического дискурса. Обнаруживаются две основные тенденции: тенденция выделения авторского «я» как экстралингвистической категории, характеризующаяся предельной открытостью гражданской позиции путем полного слияния голосов автора и персонажа. Вторая тенденция связана с многочисленными историческими реминисценциями, создающими сюжетные линии, утверждающие сложную диалектику прошлого и настоящего, личного и общественного. Проведенный анализ позволил выделить теоретически и практически значимую для современной исторической прозы проблему усиления публицистического начала. В статье проводятся параллели между романами А. Алимжанова разных лет, на основе анализа их дискурса делается вывод о значимости для произведений с историческими фигурами сугубо публицистических средств изображения. Романы А. Алимжанова, опираясь непосредственно на исторические реалии эпохи Махамбета и аль-Фараби, одновременно несут в себе характерные черты художественного видения писателя, живущего проблемами своего времени.

Ключевые слова: дискурс, автор, роман, сюжет, публицистический, исторический, эстетический.

B.U. Dzholdasbekova, N.K. Sarsekeeva
Journalistic discourse historical fiction by A. Alimzhanov

In the article on the material of historical novels by A. Alimzhanov discusses the features of his journalistic discourse. Reveals two major trends: the trend highlight the authorial "I" as an extra-linguistic categories, characterized by extreme openness of citizenship by a full merger votes author and character. The second trend is associated with many historical reminiscences, creating storylines, claiming the complex dialectics of past and present, personal and social. The analysis allowed to identify theoretical and practical significance for the modern historical prose problem strengthen journalistic start. The article draws parallels between novels A. Alimzhanova different years, based on an analysis of their discourse about the importance of the conclusion of the works of historical figures purely journalistic means of representation. The novels of Alimzhanova, relying directly on the historical realities of the time Makhambet and al-Farabi, at the same time carry the characteristics of artistic vision writer living problems of his time.

Key words: discourse, author, novel, story, journalistic, historical, aesthetic.

Б.У. Джолдасбекова, Н.К. Сарсекеева
А. Алимжановтың тарихи прозасындағы публицистикалық дискурс

Мақалада А.Алимжановтың тарихи романдары негізіндегі оның публицистикалық ерекшеліктері қарастырылады. Атап айтсақ, негізгі екі тенденция анықталған: автор мен кейіпкер дауыстарының толық бірігу жолы арқылы азаматтық ұстаным айқындығын сипаттайтын экстралингвистикалық категория тәрізді авторлық «менің» болінуі. Екінші тенденция сюжеттік тармақтарды қалыптастыратын, жеке мен қоғамның, өткен мен қазіргінің күрделі диалектикасын анықтайтын көпсанды тарихи реминисценциямен байланысты. Жүргізілген зерттеу қазіргі тарихи прозаның публицистикалық бастаулар мәселелесінің күшеюіне теориялық және тәжірибелік тұрғыдан маңызды болды. Мақалада әр жылдардағы А.Алимжанов романдары арасындағы сәйкестік жүргізіледі, олардың дискурсын сараптау негізінде тарихи фигуралы шығармалар үшін публицистикалық бейнелеу амалдарының маңыздылығы анықталды. А. Алимжанов романдары әл-Фараби және Махамбет дәуіріндегі тарихи шындықтарға сүйене отырып, өз кезеңінің мәселелерімен өмір сүретін жазушының көркемдік көрініс мінезінің ерекшеліктерін сипаттайды.

Түйін сөздер: дискурс, автор, роман, сюжет, публицистикалық, тарихи, эстетикалық.

Авторы подавляющего большинства произведений казахстанской исторической прозы, посвященной выдающимся мыслителям, деятелям культуры и искусства, так или иначе отталкиваются от творческого опыта М.Ауэзова, о чем он писал в статье «Моя работа над романом об Абае»: «...Наша современность не может примириться с натуралистическим изображением жизни гениев прошлого. Ведь нас интересуют в биографиях не случайные подробности и факты... В памяти народа живут те стороны выдающихся личностей, которые наиболее существенны, с которыми, собственно, и связана их роль в истории» [12, 95].

Не случайно академик Ш.Елеукенов рассматривает «Путь Абая» как эпическое произведение о биографии творчества Абая (выделено нами) - исторической личности, гармонично сочетающей в себе качества поэта, мыслителя, общественного деятеля. Через призму динамично развивающегося поэтического миропонимания героя, отмечает авторитетный исследователь, в романе представлены практически все темы, охватывающие разные сферы жизни казахского общества той поры [13, 79]. Именно в этом заключался оригинальный, выработанный М.Ауэзовым ведущий принцип изображения творческой личности художника и мыслителя.

Известный казахстанский писатель, журналист и общественный деятель Ануар Алимжанов, воссоздавший в своих произведениях замечательные образы Аль-Фараби, Рудаки, Махамбета Утемисова («Возвращение учителя», «Трон Рудаки», «Гонец» и «Стрела Махамбета»), безусловно, также испытал влияние опыта М.Ауэзова. Вместе с тем проза писателя, неутомимого путешественника-журналиста, нередко смыкалась с публицистикой, перетекала в нее, «захлебываясь» порой в потоке археологической, исторической и другой информации. Внимание писателя привлекали, как правило, люди, щедро наделенные мужеством, способные отстаивать свои идеалы. Таковы в его изображении Аль-Фараби, Махамбет, Рудаки, а также профессиональный историк Аскар из романа «Дорога людей».

Известно, что писатель нередко возражал сторонникам художественной, «чистой», строго психологической линии в изображении исторических или вымышленных персонажей. Главное для читателя, по его мнению, является то, насколько притягательно то или иное произведение, насколько оно дает пищу уму и сердцу, в чем заключается его художественная

сила. Читателю, по его словам, важнее мысль, ее глубина, новизна, а не форма ее выражения. Сквозной, скрепляющей все его творчество в единое целое идеей, следует считать, по нашему мнению, идею связи *всего со всем*, а также идею безусловных связей между всеми народами – связей культурных, торговых, династических, религиозных, осознаваемых и в их сегодняшней специфике, и в глубинной ретроспективе как подтекст, подпочва обычаев, нравов, убеждений. Караванные тропы, воскресенные А.Алимжановым в его «Дороге людей», наполненные шумом, голосами предков, гулом битв и набегов, убеждали читателя в этих связях.

При этом сопряжения различных эпох у писателя были порой нескрываясь полемичны опрокидывали распространенные расхожие инерционные представления о неподвижности Востока, его «отгороженности» от цивилизации. В единую цепь общечеловеческого движения включались Вавилон и Ниневия, наследие скифов и саков, законы Хаммурапи и прозрения великого поэта и мыслителя, реформатора ислама Ахмеда Ясави. Энергия исследователя, бывшая в писателе ключом, звала его в Дамаск, Багдад, Иран, Индию, питала страсти нового прочтения минувшего в целях восстановления справедливости.

Так, главная цель Аскара Сембина, героя «Дороги людей», культуролога, археолога и этнографа, максималиста по натуре, близка авторской – *«найти и восстановить древние давно утерянные связи родного уголка, аула Карлыгаши со всем миром и всеми континентами»* [3, 107]. Главной потребностью писателя А.Алимжанова, как отмечали многие исследователи его творчества, также было обнаружить в хаосе противоречий нечто общезначимое, сближающее народы.

Аскар – образ во многом автобиографический. И потому вопросы, поднимаемые в романе Аскаром, ставшие предметом его изысканий и раздумий, «болевыми точками» его жизни и деятельности, выстраданы автором романа. Это, в сущности, и его жизнь, что усиливает достоверность всего описания. Сквозь роман – это движение мыслей – чувств поисков героя, открывающего для себя взаимосвязь явлений прошлого, и очень далекого, очень близкого, настоящего. Публицистический, ассоциативно-эссеистский дискурс позволяет свести воедино разновременные разнопространственные пласты, придать прозе А.Алимжанова особую многомерность.

Одним из традиционных жанров в литературе Востока была книга путешествий. Своим романом «Дорога людей» А.Алимжанов во многом раздвинул границы этого жанра. Путешествие это, предпринятое автором и его героями, не только пространственное, т.к. повествование романа рождает острое чувство соперничания, приближает к читателю те жгучие, неотложные проблемы, решение которых еще впереди...

От начала и до конца «Дорога людей» пронизана тревогой за будущее человечества, за судьбу природы – колыбели человеческой цивилизации. Драматичные страницы посвящены состоянию сегодняшнего Арала, сохранению Приаралья. Многое внушает писателю тревогу, но при этом в авторской позиции отсутствует безысходность.

Писатель верит в разум нашего общества, верит в то, что будет сделано все, чтобы спасти не только «жемчужины природы, но и самый невзрачный на первый взгляд стебелек на земле. Ведь все живое – бесценно...» И эта убежденность А.Алимжанова в том, что природа, «как и человек, дорожит добротой и любовью, и чем сильнее любовь, тем щедрее раскрывается ее красота», передается читателю.

Позиция писателя А.Алимжанова четко выражена в эпическом повествовании: автор не «отстраняется» от оценок, более того, вмешивается в ход эпического повествования со своим комментарием, разъяснением смысла происходящих событий.

Так, первой главе «Возвращения учителя» А.Алимжанова, посвященного Аль-Фараби, был предпослан следующий эпиграф из сочинений Аристотеля: «Художественное изображение истории более научно и более верно, чем точное историческое описание. Поэтическое искусство проникает в самую суть дела, в то время как точный отчет дает только перечень подробностей» [4,4]. О чем свидетельствует подобная направленность эпиграфа, являющегося одним из средств выражения авторской позиции?

О том, что искусству отдается приоритет в постижении истины, в том числе исторической. Однако существуют разные способы служения искусству, в том числе и тот, о котором размышляет в поисках самоопределения главный герой указанного романа А.Алимжанова, выдающийся ученый, мыслитель Востока Аль-Фараби: «Он мог бы стать музыкантом или писать хвалебные оды для владык и жить в

роскоши, наслаждаясь любовью, ожидая караваны, умом и знаниями покоря великих визирей и ничтожных мужей, схоластов и эпигонов ислама...» [4,13].

В эпоху, в которую довелось жить аль-Фараби, взгляд на художника и на ту роль, которую он исполнял в жизни общества, определялся понятием «слуга», «придворный поэт». Даже величайшие из великих не избежали этой участи, и герой Алимжанова ведает об этом.

В этом контексте интересно рассмотреть сложившуюся историческую традицию одаривания художника и ученого, скрещение в повествовании А.Алимжанова относительно нее разных точек зрения. Одна из них принадлежит великому визирю, наместнику Халеба, вручающему Абу Насру от лица великого эмира мешочек с золотыми дирхемами. Вот как представлена реакция героя в тексте: «Что это? – спросил Абу с изменившимся лицом. – Это дирхеми, досточтимый Учитель... – Вы покупаете мои знания и мой разум или мою волю и душу?... – Голос визиря теперь зазвучал холодно и жестко. – Великий пророк наш Мухаммед одарил своим халатом поэта. С тех пор идет традиция, которую чтут и стар и млад, и богатый и бедный!»

Абу Наср продолжает стоять на своем: «За лесть и услуги одарил пророк поэта! И купил за это его душу!... У кого не сдержан язык, у того на ногах оковы... Быть преданным и покорным легче, но угрождать – противно» [4, 173-174]. Миссия поэта, как понимает ее герой Алимжанова – способствовать улучшению нравов общества, вносить «разумное начало».

Предыдущее произведение А.Алимжанова «Стрела Махамбета» было посвящено пламенному поэту, народному трибуну Степи и воину Махамбету Утемисову, отдавшему жизнь борьбе за свободу и счастье своего народа. В романе А.Алимжанова воспроизводится только один эпизод многовековой борьбы за независимость – широко известное восстание крестьянской бедноты Западного Казахстана против царского самодержавия и ханского произвола в 1830-х-1840-х годах XIX века под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.

В романе при помощи публицистических средств воспроизводилась широкая социальная картина казахской степи первой трети XIX века – удручающе нищенская жизнь бедноты, воплощение в реальность коварных замыслов правителей, взаимоотношения образованной части казахского общества с передовыми р

скими людьми. Выразительно была представлена эволюция «зачинщика беспорядков» - Махамбета, степного аристократа, фаворита хана Букеевской орды Жангира, которому открылась правда о нелегкой доле народа, изнывающего под двойным гнетом. Отныне поэту-воину становится ясно: *свобода является угнетенным лишь во время битвы или во сне...*

И с этого момента он всецело на стороне оскорбленных и униженных, с оружием в руках приближая осуществление мечты народа о социальной и национальной свободе. Окружающая среда, картины природы, степной ландшафт целенаправленно и тесно увязывались автором с различными душевными перипетиями разных героев, среди которых – поэт Шернияз, композитор Узак и другие.

Чувство тревоги, затянувшегося ожидания повстанцами известий от хана Жангира, соотносится с картиной непроглядной ночной тьмы: *«Седьмая ночь. Как она темна!... А сегодня - ни луны, ни звезд, и костры стали реже, к тому же они неяркие, словно светлячки. Мрак над головой. Мрак со всех сторон. Тоскливая, тревожная тишина»* [4, 360].

Роль ночного пейзажа символична: картина темной, безлунной ночи усиливает в повстанцах страшные подозрения относительно подлости хана, морально подготавливает читателя к будущему неотвратимому столкновению, ведущему к гибели героев. Интересно, что батальные сцены, те критические временные промежутки, когда решается судьба восстания, воспроизводятся автором на фоне либо бурана, либо ливня. Внутренний мир героев раскрывается в основном при помощи внутреннего монолога.

Главного героя, Махамбета, нельзя, на наш взгляд, отнести к рефлектирующим, оценивающим каждый свой шаг, поступок, непрерывно анализирующим свои мысли героям. Это вполне объяснимо: вся сознательная жизнь Махамбета прошла в военных походах и классовый борьбе. Его раздумья-размышления в плане аналитического психологизма хотя не столь объемны, все же способствуют раскрытию причин восстания и накопившихся социальных противоречий.

Концепция творчества, роль поэта в «улучшении нравов» современного ему общества раскрывается в повествовании А.Алимжанова об Аль-Фараби при помощи различных приемов. Сам отбор песен, строк стихов, органично включенных в художественную ткань повест-

ования, наглядно высвечивает определенные грани концепции творчества, раскрывающуюся в романе. Нередко с этой целью А.Алимжанов прибегает к выдержкам из творений других мыслителей и поэтов, в частности, отрывкам из стихов знаменитого восточного поэта Рудаки.

В распоряжении А.Алимжанова к моменту написания романа об аль-Фараби была весьма немногочисленная литература о жизни и творческом наследии великого мыслителя древности, Учителя, как его называли (второго после Аристотеля). Автором одной из серьезных работ об аль-Фараби является широко известный в нашей республике и далеко за ее пределами ученый - доктор философских наук, профессор А.Касымжанов. Для стиля мышления аль-Фараби, по мнению исследователя, был характерен рационалистический максимализм - уверенность в предназначении человеческого разума решать не только проблемы познания, но и этики, политики, искусства [5, 82].

Пониманием этого особого образа мыслей героя обусловлен в романе отбор ключевых сюжетных сцен, диалогов и монологов с его участием. Так, встреча аль-Фараби с возлюбленной, молодой женщиной Бану, отмечена особым драматизмом ввиду его стремления подчинить естественные человеческие чувства разуму. В круг чтения Абу Насра на равных входят труды Птолемея, беседы и диалоги Сократа, описанные Платоном, книги стихов арабских, персидских, греческих поэтов, в том числе и песни древнегреческого поэта Анакреонта.

В то же время все более усиливается стремление Абу Насра уехать в Багдад, и этому есть ряд причин: ведь *«там еще остались в живых поэты...там с упоением слушают сказки, сказки «Тысячи ночей», завезенные сюда персами и индийцами еще во времена первых халифов...переложенные и переименованные в угоду мечте народа о хороших халифах и в угоду самим халифам, а может быть, в назидание им говорящих о сказочно добрых делах царей и шахов...»* [4, 38].

Аль-Фараби был и философом, и ученым, и музыкантом, автором «Большой книги музыки», комментариев к трудам Аристотеля, Птолемея и Евклида. Под пером А.Алимжанова он в первую очередь наделен эстетическим, художественным восприятием многогранных явлений окружающего мира, в том числе мира природы. Он помнит. *«как прохладен и лучист первый снег в кипчакских степях, как он бодрит*

юношескую кровь, как манит вдаль, на охоту, на схватку с дикими зверями». Сознание художника и здесь отличается необычностью ассоциаций, присущих мастеру слова. Так, например, он замечает, что *«следы зверей по первому снегу четки, как строки арабской вязи на белых листах бумаги, изготовленной искусными руками мастеров из Самарканда...»*

В предыдущем романе А.Алимжанова «Стрела Махамбета» о войне и поэте Махамбете в его характере акцентировались в первую очередь такие черты как свободолюбие, отсутствие страха перед властью имущими, стремление к справедливости, сочувствие к униженным и безоговорочная их поддержка.

Махамбет, которого автор настойчиво именует поэтом во всех ключевых сценах, лишен тех рефлексий, которые присущи Абу Насру и выделяют его из окружающих, он знает себе цену и твердо уверен: *«Лишь в тяжелые дни поднимаются батыры на защиту народа. Но настоящей свободы нет ни у тех, ни у других. Да и была ли она у кого-нибудь? Хан тоже дрожит за трон. А я не поэт хана. Я слагаю стихи о батырах, достойных славы, таких, как Срым Датов!»* [4, 418].

Автор стихов о батырах, «поэт казахов – любимец бершей и адаевцев, всех казахских родов», Махамбет в изображении А.Алимжанова уже при первом появлении в романе ведет себя крайне независимо, придерживаясь таких принципов как: «свобода и воля превыше всего» и «песню в зиндане не удержишь». Его стихи читают наизусть джигиты от Едила до Жаика, на берегах Арала и Сырдарьи: *«Гей, джигиты родных степей,- На коней, на коней, на коней! Пусть коням позавидует ветер - Вылетайте на битву. Быстрей!»*

Немало места в повествовании отдано различным оценкам непреклонного Махамбета глазами его окружения. Обращают на себя внимание абсолютно неоднозначные, порой противоречащие друг другу характеристики, даваемые ему окружающими, как, например: *«Султан по виду, разбойник по повадкам», «вор, предатель и смутьян»*. Сам хан Жангир, едва сдерживая гнев, замечает про себя, что Махамбет *«ведет себя слишком вольно, как равный...»*.

Между тем довольно часто чувство гнева берет верх над разумом Махамбета в отличие от также восставшего против ханской власти его соратника Исатая – «самого спокойного и мудрого из всех старшин», уже испытавшего

ханские цепи и царскую тюрьму, смелого и мудрого батыра.

В повествовании о Махамбете представлены различные истолкования его поэтической деятельности, принадлежащие в том числе и его «коллегам» из сферы искусства. Махамбет, по словам бывшего придворного поэта Муниса, прославившего в своих стихах владыку Хивы и этим заслужившего должность главного мираба Хивы и поэта всего Хорезма, является *«поэтом других желаний»*, автором стихов, *«лишенных аромата»*, в которых слышен *«лязг мечей, и топот копыт, и запах полыни»*.

Такая поэзия, по мнению Муниса, «чужда Востоку», где высоко ценилась иная поэзия – поэзия Хайяма и Хафиза, умиротворяющая и примиряющая человека с несовершенством жизни.

Более подробно, по сравнению с «Возвращением учителя», обрисованы в произведении члены семьи Махамбета, этапы его биографии, его героическая смерть. Так, автор не однажды концентрирует внимание читателя на том известном из истории факте о том, что уже в шестнадцатилетнем возрасте Махамбет был признан лучшим из акынов из рода берш, слава о нем полетела по аулам всего Младшего жуза и в этой связи его приставляют к ханскому двору в качестве наставника ханского сына.

Однако сытой, благополучной жизни он предпочел судьбу «благородного разбойника», участь поэта-беглеца, своими бунтарскими стихами вдохновляющего народ на борьбу против султанов-правителей, призывая степняков к единству. Автор находит соответствующие метафорические выражения в духе национальной традиции степняков-кочевников: *«Слова поэта как стрелы летели от аула к аулу, готовые вновь воспламенить степь»* [4,595].

В этих обстоятельствах искусство и его творец обретают не только новый статус, но и огромную ответственность, осознание которой почти неизбежно делает поэта фигурой трагической. Махамбет предстает у Алимжанова как личность исторически неординарная – его устремления, идеи, воззрения, жизненные цели возвышаются над сознанием его сородичей. Сама специфика творческого сознания героя, как и в примере с Абаем, делает его «непохожим» на других, отделяет, отчуждает его от большинства.

Таким образом, для понимания специфики художественного дискурса произведений с историческими фигурами представляется важ-

ным не только анализ воплощенных исторических реалий описываемой эпохи, но и анализ сугубо публицистических средств. В этом отношении романы А.Алимжанова, опираясь непосредственно на исторические реалии эпохи Махамбета и аль-Фараби, одновременно несут в себе характерные черты художественного видения писателя, живущего проблемами своего времени.

Из многих граней талантливой личности своего героя писателю необходимо было выбрать что-то свое, особенно близкое ему как мастеру слова и видному общественному деятелю афро-азиатского движения. В послесловии к «Возвращению учителя» «О том, о чем сказано и не сказано в этой книге, о том, как создавалась она...» автор взволнованно повествует о «встрече» аль-Фараби с потомками через тысячу лет, в дни празднования его 1100-летия в День Фараби, состоявшемся по решению ЮНЕСКО в Алма-Ате.

По мнению Ц.Тодорова, специфика дискурса определяется тем, что он располагается «по ту сторону языка, но по эту сторону высказывания, т.е. дан после языка, но до высказывания» [6, 367].

Если истолковывать публицистичность как авторскую страстность в художественном выражении определенной идеи, как полагает украинский исследователь [7,21], то историческая проза А.Алимжанова отличается целенаправленным публицистическим дискурсом. Раздумья главного героя романа естественно сливаются с раздумьями автора об истории человечества и этапах ее развития: *«Человек всегда ищет полноты восприятия и глубины познания своей собственной истории, а через нее – и истории человечества. Народы всегда искали и ищут то, что объединяет их с другими народами, а не то, что разделяло бы их и вело к розни...»*

Голос непосредственного автора звучит и в послесловии к «Возвращению учителя», придавая ему тем самым эмоционально окрашенную субъективность: *«...нет конца стремлениям человека и народа к все более возвышенному идеалу. Без такого стремления нет настоящей литературы (выделено нами) ...Гении не умирают. Они живут вечно. Их разум сопровождает нас всегда и повсюду»* [4, 290].

Литература

- 1 Ауэзов М. Моя работа над романом об Абае // Вопросы литературы. – 1959. – № 6. – С. 89-97.
- 2 Елеукинов Ш. От фольклора до романа-эпопеи. – Алма-Ата, 1987. – 357 с.
- 3 Алимжанов А. Дорога людей. – М.: Советский писатель, 1984. – 276 с.
- 4 Алимжанов А. Степное эхо: Романы. – Алма-Ата: Жалын, 1983. – 600 с.
- 5 Касымжанов А. Абу Наср аль-Фараби (мыслители прошлого). – М., 1982. – 172 с.
- 6 Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. – М., 1983. – С.355-369.
- 7 Шудра Н.Н. Эстетические особенности публицистического творчества. Автореферат канд. дисс. – Киев, 1985. – 25 с.

References

- 1 Auezov M. Moya rabota nad romanom ob Abae // Voprosy literatury. – 1959. – № 6. – S. 89-97.
- 2 Eleukenov Sh. Ot fol'klora do romana-epopei. – Alma-Ata, 1987. – 357 s.
- 3 Alimzhanov A. Doroga lyudey. – M.: Sovetskiy pisatel', 1984. – 276 s.
- 4 Alimzhanov A. Stepnoe echo: Romany. – Alma-Ata: Zhalyn, 1983. – 600s.
- 5 Kasymzhanov A. Abu Nasr al'-Farabi (mysliteli proshlogo). – M., 1982. – 172 s.
- 6 Todorov Ts. Ponyatie literatury // Semiotika. – M., 1983. – S.355-369.
- 7 Shudra N.N. Esteticheskie osobennosti publitsisticheskogo tvorchestva. Avtoreferat kand. diss. – Kiev, 1985. – 25 s.